

Борис Васильев

—

**А зори здесь
тихие...**

Москва
2024

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)я43
В19

Художественное оформление
Степана Костецкого

Фотография на переплете:
© Петр Бернштейн / РИА Новости

Васильев, Борис Львович.

В19 А зори здесь тихие... / Борис Васильев. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-241845-7

Издание, приуроченное к «Году лейтенантской прозы»,
объявленному Ассоциацией союзов писателей и издателей
России (АСПИР).

В 2024 году сразу несколько писателей и поэтов-фрон-
товиков отмечают 100-летний юбилей. Среди них Юрий
Бондарев, Борис Васильев, Василь Быков, Владимир Бого-
молов, Виктор Астафьев, Булат Окуджава, Юлия Друнина,
Николай Старшинов.

Борис Львович Васильев (1924–2013) — известный со-
ветский писатель и драматург, уроженец Смоленска, ушед-
ший добровольцем на фронт во время Великой Отечествен-
ной войны.

В книгу вошли две его повести: «А зори здесь тихие...» о
героическом подвиге небольшой группы девушек-зенитчиц
и их командира, столкнувшихся с превосходящими силами
врага, и «Завтра была война» о последнем предвоенном
годе обычных советских старшеклассников, взрослеющих в
условиях кампании по борьбе с «врагами народа». Оба про-
изведения были успешно экранизированы.

Произведения Бориса Васильева полюбились читате-
лям во многом благодаря пронзительности и искренности
повествования, подлинности описываемых событий и тра-
гичности историй о войне, о которой писатель знал не по на-
слышке, а из личного опыта.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)я43

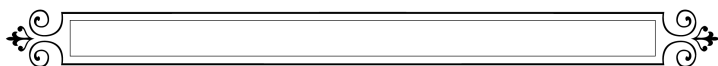
ISBN 978-5-04-241845-7

© Васильев Б. Л., наследник, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

.....
————

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

————
.....

1

На 171-м разъезде уцелело двенадцать дворов, пожарный сарай да приземистый, длинный пакгауз, выстроенный в начале века из подогнанных валунов. В последнюю бомбежку рухнула водонапорная башня, и поезда перестали здесь останавливаться. Немцы прекратили налеты, но кружили над разъездом ежедневно, и командование на всякий случай держало там две зенитные счетверенки.

Шел май 1942 года. На западе (в сырые ночи оттуда доносило тяжкий гул артиллерии) обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне; на востоке немцы день и ночь бомбили канал и мурманскую дорогу; на севере шла ожесточенная борьба за морские пути; на юге продолжал упорную борьбу блокированный Ленинград.

А здесь был курорт. От тишины и безделья солдаты млели, как в парной, а в двенадцати дворах осталось еще достаточно молодух и вдовушек, умевших добывать самогон чуть ли не из комариного писка. Три дня солдаты отсыпались и присматривались; на четвертый начинались чьи-то именины, и над разъ-

ездом уже не выветривался липкий запах местного первача.

Комендант разъезда хмурый старшина Васков писал рапорты по команде. Когда число их достигало десятка, начальство вкатывало Васкову очередной выговор и сменяло опухший от веселья полувзвод. С неделю после этого комендант кое-как обходился своими силами, а потом все повторялось сначала настолько точно, что старшина в конце концов прилачился переписывать прежние рапорта, меняя в них лишь числа да фамилии.

— Чепушиной занимаетесь! — гремел прибывший по последним рапортам майор. — Писанину развели. Не комендант, а писатель какой-то!

— Шлите непьющих, — упрямо твердил Васков: он побаивался всякого громогласного начальника, но талдычил свое, как пономарь. — Непьющих и, это... Чтоб, значит, насчет женского пола.

— Евнухов, что ли?

— Начальству виднее, — осторожно говорил старшина.

— Ладно, Васков, — распаляясь от собственной строгости, сказал майор. — Будут тебе непьющие. И насчет женщин будет как положено. Но гляди, старшина, если ты и с ними не справишься...

— Так точно, — деревянно согласился комендант.

Майор увез не выдержавших искуса зенитчиков, на прощание еще раз пообещав Васкову, что пришлет таких, которые от юбок и самогонки нос будут воротить живее, чем сам старшина. Однако выполнить это обещание оказалось непросто, поскольку за две недели не прибыло ни одного человека.

— Вопрос сложный, — пояснил старшина квартирной своей хозяйке Марии Никифоровне. — Два

отделения — это же почти что двадцать человек непьющих. Фронт перетряси, и то сомневаюсь...

Опасения его, однако, оказались необоснованными, так как уже утром хозяйка сообщила, что зенитчики прибыли. В тоне ее звучало что-то вредное, но старшина со сна не разобрался, а спросил о том, что тревожило:

— С командиром прибыли?

— Не похоже, Федот Евграфыч.

— Слава богу! — Старшина ревниво относился к своему комендантскому положению. — Власть делить — это хуже нету.

— Погодите радоваться, — загадочно улыбнулась хозяйка.

— Радоваться после войны будем, — резонно сказал Федот Евграфович, надел фуражку и вышел на улицу.

И оторопел: перед домом стояли две шеренги сонных девчат. Старшина было решил, что спросонок ему померещилось, поморгал, но гимнастерки на бойцах по-прежнему бойко торчали в местах, солдатским уставом не предусмотренных, а из-под пилоток нахально лезли кудри всех цветов и фасонов.

— Товарищ старшина, первое и второе отделения третьего взвода пятой роты отдельного зенитно-пулеметного батальона прибыли в ваше распоряжение для охраны объекта, — тусклым голосом отрапортовала старшая. — Докладывает помкомвзвода сержант Кирьянова.

— Та-ак, — совсем не по-уставному протянул старшина. — Нашли, значит, непьющих...

Целый день он стучал топором: строил нары в пожарном сарае, поскольку зенитчицы на постой к хозяйкам становиться не согласились. Девушки таскали

доски, держали, где велел, и трещали, как сороки. Старшина хмуро отмалчивался: боялся за авторитет.

— Из расположения без моего слова ни ногой, — объявил он, когда все было готово.

— Даже за ягодами? — робко спросила плотненькая: Васков давно уже приметил ее, как самую толковую помощницу.

— Ягод еще нет, — сказал он. — Клюква разве что.

— А щавель можно собирать? — поинтересовалась Кирьянова. — Нам без приварка трудно, товарищ старшина. Отощаем.

Федот Евграфыч с сомнением повел глазом по туго натянутым гимнастеркам, но разрешил:

— Не дальше речки. Аккурат в пойме прорва его.

На разъезде наступила благодать, но коменданту от этого легче не стало. Зенитчицы оказались девахами шумными и задиристыми, и старшина ежесекундно чувствовал, будто попал в гости в собственный дом: боялся ляпнуть не то, сделать не так, а уж о том, чтобы войти куда без стука, теперь не могло быть и речи, и если он забывал когда об этом, сигнальный визг немедленно отбрасывал его на прежние позиции. Но пуще всего Федот Евграфыч страшился намеков и шуточек насчет возможных ухаживаний и поэтому всегда ходил уставясь в землю, словно потерял денежное довольствие за последний месяц.

— Да не бычьтесь вы, Федот Евграфыч, — сказала хозяйка, понаблюдав за его общением с подчиненными. — Они вас промеж себя старичком величают, так что глядите на них соответственно.

Федоту Евграфовичу этой весной исполнилось тридцать два, и стариком он себя считать не согласился. Поразмыслив, он пришел к выводу, что все эти слова есть лишь меры, предпринятые хозяйкой